

Время, судьба, история. 70 афоризмов на 70-летний юбилей Витольда Титовича Звиревича

М.А. Малышев
(Мексика)

Малышев Михаил Алексеевич

кандидат философских наук (1971), член Российской академии естественных наук (2000), профессор Автономного университета штата Мехико (Мексика), член редколлегий научных журналов “La Colmena”, “Coatepec”, “Ciencia ergo sum”. Член Национальной системы исследователей (Мексика).

В 2005 г. Уральская философская школа отметила 70-летие замечательного ученого и прекрасного педагога, известного специалиста в области античной философии и культуры – доктора философских наук, профессора В.Т. Звиревича. Большой коллектив редколлегий и авторов альманаха «Дискурс-Пи» поздравляют его с юбилеем, желают больших творческих успехов и отменного здоровья и посвящают ему эти строки.

Жизнь - это забота сегодня о том, что произойдет завтра, чтобы позабыть её послезавтра.

Проходят годы и человек приходит к мысли о том, что он должен стать самим собой, а не тем, что, по его мнению, думают о нем другие.

Когда человек начинает думать, что ему все позволено, он уже не может различить грань между возможным и невозможным, и это приводит его к краху.

«Завтра» - это успокаивающее снодобье, не позволяющее нам стать жертвами агрессии сегодняшних забот.

Вчера я с нетерпением ожидал прихода радостного события, а сегодня я переживаю встречу с ним. Через некоторое время событие и его страстное ожидание исчезнут в прошлом и будут храниться в моей памяти, которая – и в этом заключается парадокс - склонна больше вспоминать

событие и меньше то страстное нетерпение, с каким я мечтал его встретить, хотя в действительности дело обстояло иначе.

Однажды наступит наш «последний день», и тогда мы узнаем, что означает совет, рекомендуемый нам жить так, как если бы каждый день был бы для нас последним.

Человек может ничего не делать, но он не способен устранить последнее препятствие на пути к полному безделью: перестать заботиться о поддержании собственного существования.

Жизнь человека - это остров реализованных возможностей в океане упущенных шансов.

Время - это бесконечная серия «теперь». Если мы уничтожим сознание, то прошлое и будущее исчезнут, а настоящее превратится в вечность.

Все согласны с тем, что история – это то, что реально произошло в прошлом, хотя никто не уверен, что описание этого прошлого соответствует тому, что в действительности произошло в нем.

Только превратив мечту в заботу, человек может осуществить свою цель, правда, не совсем ту, о которой он когда-то мечтал.

То, чего уже нет, мало чему может научить нас о том, что будет, и все потому, что уроки, извлекаемые настоящим из прошлого, совсем другие, нежели задачи, которые будущее ставит перед настоящим.

Единство человеческого рода заставляет нас сомневаться в том, что все исторические закономерности имеют свой исторический предел.

Переживая ностальгию, мы больше склонны вспоминать радость праздника, а не головную боль похмелья.

Мы убиваем время, а время убивает нас, а стало быть, жизнь – это смертельная схватка двух неравных по силе убийц.

Человек имеет власть над настоящим и может оказывать влияние на будущее, но он бессилен что-либо сделать с прошлым, разве что извлекать из него полезные для себя уроки.

Если бы прав оказался Ламарк, и человек мог

бы передавать по наследству накопленные им при жизни изменения, то утопический проект построения светлого будущего обрел бы свой надежный биологический фундамент.

Прошное отбрасывает на настоящее тень, а будущее - свет, поэтому настоящее всегда в «полоску».

Историк резонно полагает, что он вправе судить деятелей прошлого: ведь то, что они сделали, они могли бы сделать и по-другому.

Завтрашняя надежда предпочтительнее вчерашней славы, иначе бы мы не преклонялись перед величием классиков.

Каждый древний старик – это «эмигрант», прибывший в настоящее из предыдущей эпохи.

Иногда на человека сваливается столько забот, что у бедняги даже времени не хватает, чтобы подумать: а стоит ли вообще за них браться?

Жизнь так коротка, что нельзя не опасаться, что мы можем по своей глупости сделать её ещё короче.

Все, что мы сделали, может быть поставлено под сомнение тем, что мы могли бы сделать, но не сделали; и это предостерегает нас от излишнего самомнения.

Вечность - это настоящее, не предшествующее будущему и не вытекающее из прошлого.

Одни события требуют принятия неотложных мер, другие лечит время, а с третьими мы просто живаемся.

Каждое мгновение мы находимся в «теперь», но наша память и воображение делают его не вполне пригодным для «обитания».

Если вы научитесь обходиться малым, подготовьтесь к любым неожиданностям и перестанете обольщать себя надеждами, то и тогда вы не сможете предугадать всех перипетий вашего будущего.

Часть жизни человек тратит на ожидание того, что, возможно, никогда не произойдет, а другую часть он расходует на преодоление последствий непредвиденных событий.

История мало нас чему учит, зато она с удовольствием посрамляет самые глубокие «научные» предвидения.

Как нам бы хотелось, чтобы история отплатила каждому несправедному человеку по его «заслугам»:

Звиревич Витольд Титович

презрением хитрецу, насмешкой гордецу, забвением хвастуну и ненавистью подлецу!

Одна из причин, осложняющая жизнь человека, заключается в том, что он не просто живет, а стремится *жить хорошо*. Это и приводит его к столкновению с себе подобными, одержимыми аналогичными желаниями.

Раньше все было не в пример лучше: ряды сторонников веры в светлое будущее были гуще, да и сама вера - намного тверже.

Каждый человек есть то, кем бы он хотел стать, и то, чего бы он хотел избежать.

Завтра, став сегодня, вспоминает вчерашнюю надежду как иллюзию.

Тот, для кого лучшее ещё не наступило, завидует тому, для кого худшее уже осталось позади.

Сколько времени и сил мы могли бы сберечь, если бы не боялись быть обманутыми.

В критических суждениях о других людях мы приписываем им больше возможностей, чем в действительности они располагали, и это «оправдывает», с нашей точки зрения, суровость оценок в их адрес.

Одни истины нас опьяняют, другие отрезвляют, а третьи вызывают желание снова напиться.

Господству патриархального разума наступил конец, как только женщина решила разделить с мужчиной право на сексуальную инициативу.

Нам не хочется уходить, если уход - это покушение на время, которым мы могли бы ещё

наслаждаться.

Наши возможности обуздывают агрессию неопределенности будущего.

Жизнь возбуждает надежды, но, как правило, не торопится их выполнять.

Человек — это единственное животное, чья сущность не совпадает с существованием. И в этом несовпадении заключена вся его надежда на лучшее будущее.

Очень трудно приходится тому человеку, кто свой сегодняшний день нагружает завтрашними заботами и вчерашними невыполненными обязательствами.

Как и всякий деспот, случайность причиняет зло большинству, время от времени бросая подачки избранным счастливым.

Многие желали бы уже сегодня разрешить проблему, которую они, возможно, с меньшими затратами усилий могли бы разрешить завтра, потому что завтра они лелеют иллюзию освободиться от всех забот.

Завтра, послезавтра, в другой день, потом, когда-нибудь..., никогда.

Только считая секунды в бессонной ночи, мы можем приблизиться к переживанию чистого становления.

Сегодня — это поминки по вчера.

«Что вы собираетесь делать сегодня?» «Ждать наступления завтра». «Но однажды завтра не наступит». «Возможно, но я этого уже не узнаю».

Мы отказываемся верить в непобедимость зла, но не можем не думать о неизбежности поражения.

Как только человек начинает лысеть, он отпускает бороду или усы и приобретает ту внешность, под которой становится известным своим потомкам.

Нельзя находиться на высоте требований современной эпохи, не приняв на себя риск стать невротиком.

Проявлять подлинную заботу о будущем можно только с учетом возможностей настоящего.

В ткань мечты о лучшем будущем всегда вплетаются нити воспоминаний о минувшем

счастье.

Случайность — это достаточное основание не прибегать к другим объяснениям, что доставляет облегчение неудачнику.

Если ты думаешь, что ты лучше других, ты думаешь точно так, как думают другие.

Кто ошибается, тот... , но скажите, ради Бога, кто же из нас не ошибается?

Как трудно было бы переживать неудачу, если бы нам было запрещено ссылаться на «нелепость судьбы».

Истина в устах циника кажется более злой, чем откровенная ложь.

Как только философия перестала объяснять мир и начала его изменять, оружие критики превратилось в критику оружием.

Если секс — это способ воспроизводства тела человека, а чтение — это способ воспроизводства его рассудка, то чтение классиков — это способ воспроизводства его разума.

Если дурак тебя не раздражает — это тревожный симптом.

Если каждому — по заслугам, то тривиальность — посредственность.

Мы с ним — «большие друзья»: он притворяется, что радуется моим успехам, а я делаю вид, что переживаю его неудачи.

Он жил в полной согласии со своей совестью: когда она спала, он старался её не будить.

Скромный человек нам нравится, возможно, потому, что он невольно внушает нам мысль, что мы — не хуже его.

Если бы не существовало презрения, в мире было бы значительно больше жертв ненависти.

Многие мыслители прошлого мечтали превратить работу в игру, но жизнь выбрала другой путь: она превратила игру в работу.

Существует три моральных требования, которые трудно выполнить: возлюбить ближнего как себя самого, хранить чужую тайну и не хвастаться собственными заслугами.